ПАВЕЛ ЛАЗАРЕВИЧ

Оля

Тайны и желания танцующей с луной

Книга 1

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Павел Лазаревич 2017
© Skleněný můstek s.r.o. 2017

© Обложка - Павел Лазаревич 2017

ISBN 978-80-7534-162-4

Содержание

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 1

Долгожданный звонок прозвенел, стройные ряды учеников распались, перемешались, и галдящая толпа понеслась по классам. Опыт игры в знамя меня не подвел. Уход на край был правильным тактическим маневром, поэтому мне удалось со старта вырваться вперед. Обгоняя основную толпу по большой дуге, интуитивно уходя от столкновений и используя свое преимущество в скорости, я первый заскочил в наш новый класс и захватил камчатку. Камчаткой у нас всегда называлась парта в последнем ряду, у окна. Четыре года сменялись классные комнаты, но мы с Серегой неизменно сидели на камчатке. Толик, мой вечный конкурент на роль лидера в классе, несмотря на все ухищрения опять опоздал. Не готовый смириться с очередным поражением, он попытался прорваться на место у окна, но улетел в проход между партами. Удар у меня уже тогда был поставлен что надо. Бессильно бормоча ругательства и потирая ухо, он уселся за парту передо мной.

И тут я впервые увидел ее.

В проходе между парками шла стройная зеленоглазая девочка. Неуловимая ленивая кошачья грация странным образом сочеталась в ней с нетерпеливой радостью щенка, которого выпустили на улицу погулять. Как и все, она шла оглядываясь и присматриваясь к свободным местам. Все в ней было привлекательно и гармонично. Коричневая юбочка и кремовая блузка, яркий белый бант и такие же белые гольфы удивительно ей шли. Уже позже я понял, что ей шло все, что она надевала. Я заметил ревнивый взгляд, которым окинула новенькую Светка Рукавицына, и понял, что Светка уже не королева красоты класса.

– Какая ляля! Глядите! Кукла из магазина сбежала! – насмешливо заорал Толик и заржал.

Девочка сердито замерла рядом с ним. Легкий румянец вспыхнул на ее щеках, оттенив веснушки. Вблизи она выглядела еще красивее, и я почувствовал, что даже разглядывать ее мне неловко. Она покрутила пальцем возле виска, посмотрела пренебрежительно на Толика и произнесла с легким презрением:

– Дурак!

Толик отъехал к стене, освобождая для нее место, но она лишь презрительно фыркнула. Потом взглянула на меня, перевела взгляд на пустующее место у окна и снова вопросительно посмотрела на меня. Удивляясь себе самому, я встал и пропустил ее к окну. От двери раздался возмущенный и протестующий вопль Сереги.

– Меня зовут Оля, – глядя в окно, сказала она.

Лишь позже я понял, что не назови она Толика дураком, я бы ее за свою парту не пустил. Поменять дружбу на девчачью красоту для меня, начитавшегося Майн Рида и Джека Лондона, было немыслимо. Но этот ее голос… С первого дня нашего знакомства я любил слушать ее, чтобы она ни говорила. Даже если она сердилась, ее голосок звенел и резонировал у меня внутри. Я сидел с ней за одной партой и постоянно ловил себя на том, что искоса подглядываю за ней. Я стеснялся своих подглядываний, заставлял себя не смотреть на нее, но снова и снова ловил себя на этом.

В ней мне нравилось все. И чернильные пятнышки на ее маленьких ладошках. И ее коротенькие, припухлые пальчики. И испачканный мелом рукав, который она, как кошка лапкой, пыталась отчистить, возвращаясь за парту от доски. И то, как она сдувает непокорный локон, падающий со лба, закусывая при этом губу. И ее смех, веселыми нотками пролетающий по клавишам моей души. И ее смешливый взгляд, скользящий по мне, в ответ на мою особо удачную шутку, и тут же ускользающий от моего ответного взгляда. А иногда она просила у меня ластик. Я протягивал ей ластик, и крохотное мгновение моя ладонь скользила по ее ладошке. Это были мгновения настоящего счастья.

Ее, наверное, нельзя было назвать настоящей блондинкой. Волосы у нее удивительным образом меняли цвет при разном освещении. Утром, когда яркие лучи солнца просвечивали класс от окон до карт на стене, они сияли белым золотом. Вечером же их цвет переливался то яркой медью, то красной бронзой. Но то, как она краснела, безоговорочно выдавало в ней настоящую блон-

динку. У нее розовели и лицо, и руки, и ушки, и щечки. Подглядывая за ней, я иногда невольно опускал взгляд ниже – туда, где под белоснежной блузкой и тщательно застегнутыми пуговками вскоре начали просматриваться крохотные холмики, и тогда жар предательски опалял мои щеки. Много позже, в старших классах мне очень нравилось ловить момент, когда она начинала нетерпеливо ерзать по парте. Это был верный признак, что сейчас она поднимет руку. Однажды после ответа, получив свою привычную пятерку, она села на место и, забывшись, скользнула рукой под платье. Именно тогда я в первый раз ощутил, как странное томление пробуждается во мне, а брюки начинают предательски оттопыриваться. Я не помню, в каком это было классе. Но то, как Оля, неловко приподнявшись, поправляет у себя под платьем белье, а я, умирая от стыда, дрожащей ладошкой пытаюсь прижать и скрыть мое проснувшееся естество, я помню до сих пор.

***

С первого класса я считался школьным вундеркиндом. Лишь то, что я был известным драчуном, избавило меня от позорной клички «Ботан». Нет, ботаном в общепризнанном смысле этого слова я не был, ибо не заморачивался ежедневным чтением учебников, а уж тем более не корпел над домашними заданиями. У меня был другой ключ к успеху. Еще с первого класса я взял за правило прочитывать все школьные учебники еще летом, до занятий в школе. Поэтому частенько совсем не брал книги с собой в школу. Зачем? Ведь их всегда носила Оля. Было так приятно, замирая от прикосновений ее пальчиков, брать у нее книгу и за несколько минут пролистать нужную тему, поражая Олю скоростью освоения материала. За показным равнодушием я старался не показать, как от ее удивленного взгляда сладко млеет у меня в груди.

Мое школьное величие началось с того момента, когда наш учитель арифметики, являющийся по совместительству еще и учителем группы продленного дня, сказал на уроке, что на его памяти лишь один ученик в первом классе решил арифметическую задачу в девять действий.

Он остановился возле меня, выдержал театральную паузу и указал на меня пальцем. Такое отношение обязывало, поэтому пришлось соответствовать. На контрольных уроках по математике приходилось решать варианты для всего класса, но благодарность класса все окупала. В отличие от меня, иногда получающего четверки и даже тройки, Оля была настоящей круглой отличницей. Единственной круглой отличницей во всех трех параллельных классах. В отличие от меня ей все давалось прилежанием и упорством. У Оли еще была одна особенность, выделяющая ее. Она единственная из нашего класса училась еще и в музыкальной школе. Если я был надеждой и гордостью школы на олимпиадах по физике и математике, то Оля была просто гордостью школы. Наши портреты, незаметно взрослея из года в год, висели рядом на доске почета школы, улыбаясь и переглядываясь друг с дружкой.

Я иногда развлекался тем, что подняв руку, начинал возражать учителю, оспаривая общепризнанные истины. Жаркий спор частенько занимал весь урок, и времени на опрос и проставление двоек за невыполненные домашние задания учителю уже не хватало. Класс быстро понял все выгоды от таких споров, и просто требовал у меня очередное шоу. Оля в этих спорах не участвовала. Лишь иногда поглядывала на меня с легкой иронией и улыбкой, и тогда новые остроумные контраргументы выскакивали из меня, как конфетти из взорвавшейся хлопушки. Еще Оля прекрасно знала, что я читаю всё, кроме книг, которые мы должны читать по программе. Еще в первом классе классная руководительница обличительно сказала обо мне: «Он хитрый, он ужасно хитрый. Ясно же, что он не учил урок. Но он ухватывает то, что сказали раньше другие, дополняет своими выдумками так, что даже тройки я ему поставить не могу». И она была права. Поэтому, когда учительница литературы вызывала меня для пересказа, например, севастопольских рассказов, улыбка заранее начинала плескаться на лице Оли, и она с интересом ожидала очередного аттракциона. И я не подводил.

– Дело происходило в Севастополе, – вещал я, краем гла-

за любуясь улыбкой на лице Оли. – Происходящие события были столь важны, что писатель посвятил им несколько рассказов. Все мы знаем, что Севастополь расположен на берегу Черного моря. Черное море получило свое название из-за необычного цвета воды. Севастополь это не просто приморский город. Севастополь это самый крупный город Крыма. Крым же, эта жемчужина Российской Империи, всегда привлекал к себе завоевателей. И не зря! Теплое ласковое море, полное рыбы, изумительный климат, дружелюбные и трудолюбивые люди, населяющие его – вот почему все стремились завоевать Крым…

Дальше следовала подсказка от класса и в повествование вплеталась полученная информация, красиво разукрашенная цветистостью и многословием фраз. Оля же откровенно и насмешливо улыбалась, никогда не опускаясь до подсказок.

***

Отца у нее не было. Почему – я не знаю до сих пор. Оля никогда об этом не говорила, а я и не интересовался. Жила она вместе с мамой. Сухонькую, строгую, прямую как палка, всегда одетую в строгое темное платье, ее маму на классных собраниях легко было узнать по вечно поджатым губам и резкому скрипучему голосу. Особенно подозрительно она относилась ко мне, недовольная, что дочь ее сидит с мальчиком. Но тут Оля уперлась и отстояла свое право сидеть за одной партой со мной. Несмотря на эту локальную победу, Олю она держала в ежовых рукавицах. Оля почти никогда не ходила с нами на вечеринки и на танцы. Мама ее не пускала. Самой ей разрешалось ходить в кино лишь днем, с приходом домой строго до семи.

Летом между восьмым и девятым классами ее мама уехала в командировку. Это совпало с летним школьным походом за озеро с ночевкой, и Оля впервые пошла в поход с нами. Костер горел как-то особенно тепло и уютно, когда его блики падали на ее лицо. И походные песни звучали душевно и таинственно, когда в них вплетался ее голос. А когда после очередной песни я увидел, как Оля, поймав мой взгляд, приложила пальчик к губам и еле

заметно кивнула в сторону, предлагая идти за ней, счастье нежной лапкой сжало мне горло. Очередное волшебство случилось, когда костер спрятался за деревьями. Оля взяла меня за руку. Ее ладошка нырнула в мою ладонь и устроилась в ней теплым воробушком. Я не знал, куда мы идем, даже не подумав спросить ее об этом, а лишь хотел, чтобы это никогда не кончалось.

Из-за деревьев внезапно вынырнуло озеро. Лишь теперь я понял, что мы шли вдоль берега. На огромное темное матовое зеркало падали еле видимые издалека отблески школьного костра, а луна, разделив озеро надвое, протянула серебряную дорожку прямо к нам.

– Пашка, так хочется искупаться, – нарушила молчание Оля. – Я же в этом году еще ни разу не купалась. А девчонки говорят, что нам и завтра не разрешат. Мол, вода холодная, поэтому учитель боится, что мы заболеем. Если бы тебя не было, я бы сама не решилась. А с тобой совсем не страшно.

Оля сбросила кеды и носки, подошла к воде и потрогала ее ногой.

– Какая теплая! А нас еще не хотят пускать купаться!

Она повернулась ко мне.

– Паш, оставайся и следи за тропинкой, пока я купаться буду.

– Нет, – покачала она головой, когда я тоже стал расстегивать рубашку. – Кто-то должен обязательно стоять на стреме. Давай, сначала я, а потом, если захочешь, и ты искупаешься.

Оля нетерпеливо посмотрела на меня и показала глазами на тропинку.

– Туда смотри, а не на меня!

Когда я решился повернуться к ней, то с большим трудом разглядел ее голову в бликах лунной дорожки. Вспомнив, какое задание получил от нее, я снова уставился на тропинку и прислушался к ночным звукам. Тихо шумели деревья, пели сверчки, с нашей поляны еле различимо доносилось пение. Где-то далеко в лесу что-то шумело, и я замер, стараясь понять, что это…

Когда я в следующий раз повернулся к озеру, его гладь была девственно чиста. Чувствуя, как крупной дрожью у меня начина-

ют дрожать колени, я сделал несколько шагов в сторону. Лунная дорожка сместилась, следуя за мной, но там, откуда она ушла, тоже было пусто. Ужас комком застыл у меня в горле. До этого такой ужас я испытал только один раз в жизни, еще дошкольником, в приморском курортном городке, когда после яростного южного ливня, бредя по пояс в воде, провалился в сливной колодец. Вода уже заливала мне глаза, а поток крепко тянул за ноги, когда рывком за руку меня выдернул из колодца отец.

Боль резко и сильно ударила меня в живот и в грудь, а слезы вскипели у меня на глазах. В безумной надежде я ринулся к кустам, растущим у самого берега. Обежал их и обессилено опустился на траву. Ноги лихорадочно тряслись и не держали. Боль покидала меня, как воздух оставляет проколотый воздушный шарик. Медленно отпускал и спазм, сжавший мое горло и не дававший дышать.

Сразу за кустами оголенной саблей уходила вглубь озера небольшая коса. И там, на самом ее конце я увидел Олю. Она стояла на самом краю, протягивая руки к луне. Серебристый купальник сливался с серебром волос, белизной тела и блеском луны. Через мгновение она ожила, медленно закружилась, и напоминала уже фею, танцующую над гладью воды.

Облегчение и радость, вытесняя боль, захлестнули меня. Хотелось вскочить, бежать, обнять ее, целовать, прижать к себе и нести к берегу на руках. Но я представил, как стыд хлестнет по ее щекам, а ее ненавидящий взгляд прожжет меня, и остался сидеть, заворожено наблюдая за ней.

– Я иду тебе навстречу по траве звенящей, подарю тебе я вечер самый настоящий, – тихий голос Оли стелился над умолкнувшим озером. – Чтобы звезды в нем сверкали и глаза искрились, чтобы мы с тобой мечтали, а мечты все сбылись.

Словно вылитое из серебра, тело Оли плавно переливалось в танце, а рядом с ней на глади озера подрагивала лунная дорожка. Оля медленно кружилась, не сводя глаз с луны. Танцевали и ее руки, протянутые к луне.

И тут тугая сладкая волна мягкой кувалдой, вышибая дух,

ударила меня в низ живота. Это был не серебристый купальник. Это была она сама. Она кружилась, а я, замерев, смотрел на то, что не мечтал увидеть даже в самых смелых мечтах. На танцующие и сияющие в лунном свете нежные комочки грудей, на одуряющую белизну ее обнаженного животика. Ниже смотреть я не решался, а когда оборвалась песня – стало и поздно.

– Пора в путь-дорогу, – Оля, присев, запела другую песню и стала полоскать в воде купальник, до этого лежавший у ее ног. Я понял, что еще мгновение – Оля встанет и увидит меня. Я резко вскочил и, прячась за кустами, быстро побежал к месту, где меня оставила Оля.

На обратном пути Оля была тиха и задумчива. Она не взяла меня за руку, а сам я на это так и не решился. Оля зябко поеживалась, но от моей робкой попытки обнять ее за плечи уклонилась.

У самой палатки она наклонилась ко мне и тихо прошептала мне на ухо:

– Пашка, ты настоящий друг. Спасибо тебе, – и поцеловала меня в щеку.

Когда я робко попытался ответить на ее поцелуй, она увернулась и пропала в глубине палатки.

Следующей ночью, уже дома, Оля мне приснилась. Она опять танцевала обнаженная под луной, а я во все глаза разглядывал ее теперь уже всю. Когда же Оля затанцевала в моих объятиях, игриво прикасаясь ко мне, то бедрами, то животом, то острыми кончиками грудей – пронзительно-сладкая судорога вырвала меня из сна. Я сидел на кровати, вздрагивая всем телом, судорожно вцепившись в скомканую и промокшую простыню.

***

Несмотря на все запреты и предосторожности мамы, в девятом классе Оля влюбилась. В десятиклассника Женьку, старшего брата Сереги. Выбору Оли я не удивился. За красавчиком Женькой бегали все девочки его класса. Оля и Жека часто ходили в кино, а потом гуляли по аллеям парка, держась за руки и прислу-

шиваясь к бою часов на ратуше. Я тоже стал часто ходить в кино. Один. Я выбирал самый последний ряд. Когда в зале было много народа, они сидели, слегка касаясь плечами, примерно глядя на экран. Если же фильм был неинтересный, народу было мало, и места за ними пустовали, то в самые темные моменты они украдкой поворачивались друг к дружке и целовались. Когда их губы соприкасались, на душе у меня становилось муторно и больно, а живот начинал противно ныть. Но, как наркоман, я продолжал караулить их у кинотеатра и, выследив, тащился за ними вслед. На следующий день, разговаривая с ней о разных школьных мелочах, я украдкой вглядывался в ее лицо, выискивая следы этих поцелуев. И находил их. В переливах смеха, в обертонах интонаций, в улыбках и в ямочках на ее щеках. Каждая такая находка раскаленным гвоздем впивалась мне в живот. Впрочем, ее обаяние быстро смывало эту боль, и я купался в звенящей радости ее смеха, летящей мелодичности ее голоса, в сиянии ее глаз. Такой коктейль боли и удовольствия стал тогда привычным состоянием моей души.

Однажды в девятом классе у них произошла ссора, и Оля позвала меня в кино. Всю дорогу до кинотеатра я отнекивался. Она же весело тянула меня за руку, убеждая, что может даже сесть в той части кинотеатра, где садятся мальчишки. И даже, может быть, разрешит мне проводить ее после кино домой. Сеанс уже начался, у кинотеатра уже никого не было, и лишь у входа торчала одинокая фигура. Это был Женька. Увидев нас, он затушил сигарету и помахал Оле рукой. Оля виновато обернулась ко мне:

– Прости, Пашенька.

Неловко махнула мне на прощание рукой и побежала к нему.

***

В середине мая, перед выпускными экзаменами, я первый раз в жизни избил своего лучшего друга. Серега уже давно затаил зуб на Олю и всегда пытался сказать мне какую-нибудь гадость о ней. В тот раз он конкретно зарвался, и конкретно получил. Хотя я

не поверил ни единому его слову, смотреть на Олю стало обжигающе стыдно, а сниться она мне стала и вовсе почти каждую ночь.

В самом конце мая мы сдавали на стадионе зачет по физкультуре, который напрямую влиял на годовую отметку. Мы все должны были пробежать сто метров и уложиться в норматив. Учитель физкультуры заявил, что тем, кто не уложится в норматив, пятерку за год он не поставит. Для Оли этот зачет был очень важен. Решалось – получит она золотую медаль или нет. И Оля попросила меня, чемпиона района в беге на сто метров, пробежать эту дистанцию вместе с ней. «Беги, Пашенька, чуть впереди, чтобы я тянулась за тобой» – попросила Оля у меня. И я бежал на полшага впереди нее, практически повернувшись к финишу боком, и всю дистанцию жадно смотрел на Олю. На ее подпрыгивающие груди, быстро вздымающийся животик, жадно дышащие полураскрытые губки, горящие румянцем щечки и капли пота на атласе кожи. А потом, когда она закусила губу, и закрыла от напряжения глаза, взгляд мой залип на припухлой выпуклости внизу. А потом и на впадинке делящей ее пополам. Впадинка во время бега то возникала, углубляясь и становясь глубже и рельефнее, то пропадала. После финиша Оля, замерев, уставилась на физкультурника. «Зачет!» – громко провозгласил он, разглядывая секундомер. Оля скользнула по мне ошалевшим от счастья взглядом, прошептала: «я тебя обожаю» и рухнула на траву. Животик Оли судорожно вздымался, ее ноги дрожали, а коленки ее обессилено распались. И хотя это длилось всего два судорожных вздоха, а потом она сдвинула коленки – я не выдержал и убежал. Уже в роще, скрывшись из виду, я обхватил первое попавшееся дерево и прижался к нему. Перед моими глазами была Оля, и мне показалось, что я прижимаюсь не к выпуклой гладкой твердости ствола, а обнимаю лежащую на траве Олю. Лежу между ее раскинутых, дрожащих ножек, касаясь животом ее бурно вздымающегося животика и, что есть силы, вжимаюсь и втираюсь в ее впадинку. Видение было столь ярким и нестерпимым, что все мои внутренние запреты рухнули. Я не смог удержаться и выплеснулся уже на первом движении. Мне было ужасно стыдно,

но остановиться я не мог, как не мог удержаться и остановиться, несмотря на стыд и презрение к себе, когда ночью в мои мечты и сны приходила Оля. Не мог остановиться, пока обессиленно не сполз по стволу на землю.

***

На выпускном вечере я первый раз танцевал с ней, и первый раз по-настоящему, а не в мечтах, держал ее в своих объятиях. Женьку, провалившего еще прошлым летом экзамены в институт, уже месяц как забрали в армию. Оля последние недели была сама не своя. Что с ней происходило, я не понимал, а спросить не решался. Пару раз я замечал слезы в ее глазах. Но на выпускной вечер она пришла непривычно веселая и беззаботная. Атмосфера праздника расшевелила, похоже, и ее. Танцуя со мной, она разглядывала девочек вокруг нас и делилась со мной смешными впечатлениями об их нарядах. Я смеялся над ее остроумными комментариями, поддакивал, но смотрел только на нее. На наряды других девушек, как, впрочем, и на самих девушек мне было плевать. Улыбка, мелькающая в ее глазах, наполняла мое сердце тревожным томлением. Ее ладошки, лежавшие у меня на груди, жгли двумя маленькими раскаленными камешками. Мягко пружинящая спина ласкала мои ладони. Сердце мое то тревожно замирало, то пускалось вскачь. На ее лице танцевали разноцветные отблески огней, а в глазах вспыхивали голубые, фиолетовые и золотистые искорки. Зал яркой, разноцветной каруселью кружился вокруг нас. Но все мгновенно померкло, когда она, поймав мой взгляд, покачала отрицательно головой и сказала:

– Прости, Пашенька, но я буду ждать Женьку. Я его люблю.

Она смотрела мне в глаза уверенно и спокойно. Потом тихо и укоризненно добавила:

– Зря ты избил Серегу.

Пауза затянулась. Мне стало стыдно и обидно, словно меня поймали за попыткой воровства и отняли что-то для меня очень дорогое. Маслины ее глаз, ставшие из зеленых бездонно-черными, укоряли и жалили меня не меньше, чем мимолетные прикосновения ее груди.

– Молчи, – она остановила меня, приложив на мгновение пальчики к моим губам, – я все знаю и не хочу это обсуждать.

– Откуда ты знаешь, что я его избил? – говорить было трудно, да и незачем, ведь ответ меня уже совсем не интересовал. Все было уже неважно. Нужно было попрощаться, развернуться и уйти, но я, как щепка в океане, продолжал болтаться в бессмысленном и бесконечном танце, чувствуя неловкость от того, что мои руки лежали на ее талии.

– Ко мне пришел избитый тобой Серега и потребовал, чтобы я сама подтвердила тебе, что сказанное Женькой правда.

– И ты простила им такое?

– Ой, перестань, Пашенька, – Олечка беспечно засмеялась тем своим грудным смехом, от которого у меня всегда немело внутри. Она откинулась назад, заглядывая мне в глаза. От ее взгляда мне стало неловко и показалось, что я действительно сказал какую-то ерунду.

– Один похвастался, выдавая желаемое за действительное, а второй и рад был всем разболтать. Вы все, мальчишки, такие хвастуны и болтуны. За что тут можно не прощать? Попросили прощения – я и простила.

– Перестань, – настойчиво повторила она, впервые в жизни прижимаясь ко мне грудью, – не надо никого больше бить. Да, все виноваты, но все уже попросили у меня прощения, и всех я уже простила.

Я поступал в самый лучший элитный вуз страны. Экзамены там начинались на месяц раньше, чем в других вузах. Мамина «скорая помощь» забрала меня и отвезла к поезду прямо с выпускного вечера. Оля стояла на ступеньках школы, улыбалась и махала мне рукой. Я улыбался ей в ответ плотно сжатыми губами, делая вид, будто ничего не произошло, пытаясь не показать, как они дрожат от обиды.

Глава 2

Адрес ее я не знал. Жила она далеко, потому и ходила первые четыре года в другую начальную школу, а за все школьные годы домой я ее ни разу не провожал. Сама она мне свой адрес не дала, а сам я попросить не смог. Стройотряды съедали все летнее время, поэтому домой летом я приезжал редко и ненадолго, да и родители мои уже тогда большую часть лета проводили за границей. Случайно с ней не сталкивался, сам встреч не искал, одноклассников о ней не спрашивал, и острая игла воспоминаний о ней все реже и реже втыкалась мне в сердце.

Первый раз после выпускного вечера я увидел ее, когда уже уволился после трехлетней отработки, которая проходила в филиале известного научного института в нашем областном центре. Мне стоило больших трудов распределиться не в столицу, а именно туда.

– Зарываете вы свой талант, батенька, – укоризненно выговаривал мне декан факультета, а по совместительству еще и руководитель моего дипломного проекта. – Другие годами добиваются права обучаться у нас в аспирантуре, вам же все в руки идет. Вот и спортивная кафедра за вас ходатайствует. Говорят, что вы у нас спортивная звезда, и они без вас никак. Но, как говорится, вольному воля.

Я шел мимо утонувшей в зелени детской музыкальной школы, и вдруг из калитки выпорхнула девушка. Волна переливающихся золотистых волос, изящный контур кремового жакета, зеленая юбка, до боли знакомый танцующий шаг, скрипка в руке, и сердце мое ёкнуло и ухнуло вниз.

– Пашенька? – глаза ее вспыхнули радостью.

– Оля? Ольга Николаевна?

Не знаю, почему я назвал ее по имени и отчеству. Похоже, как мне казалось, забытая обида все еще таилась у меня внутри.

Слегка потяжелевшая грудь. Чуть-чуть налившиеся бедра. Все такая же, подчеркнутая узким жакетом, тонкая талия. Еле просматривающаяся припухлость животика. Передо мной стояла

уже не девушка, а молоденькая женщина. Оля и в школе казалась мне совершенством. Сейчас же она была еще лучше.

– Олечка? – тут же исправился я, осознав, насколько глупы и неуместны мои обиды. – Рад тебя видеть. Как твои дела?

– Да по-разному, Пашенька, – отмахнулась она, тоже разглядывая меня. – Вот учительницей тут работаю в музыкальной школе, музыку преподаю. Уроки частные даю. Замоталась совсем.

Отвернувшись, тихо добавила:

– Мама у меня умерла. Два года уже прошло.

Не зная, как утешить, в безотчетном порыве я обнял ее. Она растеряно посмотрела на меня, а я, очнувшись и испугавшись, что выдам свои уже давным-давно совершенно неуместные чувства, отстранился. Похоже, неудобно стало и ей. Она отвела глаза, и между нами возникла неловкая пауза.

Я прокашлялся и спросил:

– Как у Женьки дела? Как он?

Ее взгляд испуганной бабочкой вспорхнул вверх, а потом упорхнул в сторону.

– Хорошо Женька живет. Дочка у него растет.

– Как вы ее назвали?

– Он женат не на мне.

– Почему? Что случилось? – лишь когда школьники стали оборачиваются на меня, я понял, что почти кричу.

Она потянула меня за руку.

– Пойдем, я тебе по дороге расскажу, а то у меня частный урок, спешить надо. В школе платят мало, приходится подрабатывать.

Мы шли по школьной аллее. Оля молчала. У меня дрожали пальцы, и я их прятал за спиной.

– Уже осенью писать мне перестал. А после армии не вернулся.

Она шла чуть впереди, плавно, легко и так знакомо, что сердце мое заныло.

– Серега мне потом рассказал, что случилось. Оказывается, он в самоволку с ребятами ушел на ночь. Выпили, на танцы

пошли, а там местные девочки, тоже пьяненькие и веселые. Там ее и встретил. Так ей понравился, что она прямо с танцев утащила его на сеновал. Всего один раз, как уверял он Серегу, и было. А через пару месяцев его вызвали к командиру полка. А там она в кабинете ревет. Оказалось, она его дочь. Командир начал кричать, что замордует, раз он дочку его обесчестил. И заявил ему: или много лет в штрафбате за совращение несовершеннолетней, или женись. Деваться ему было некуда. Так и женился.

Мы шли, а паузы между ее фразами становились все длиннее и длиннее.

– А я пряталась от всех, плакала, и не могла понять, почему он больше мне не пишет. Самое плохое уже напридумывала. Накрутила себя так, что жить было тошно. Инвалидом, прикованным к койке его уже представляла. Думала, деды замучили, и он повесился. Такое ведь в армии случается. Чуть сама не поехала его искать. Хорошо, мамка не пустила.

Она шла, смотрела в сторону, и сшибала ногой прорывающиеся сквозь асфальт травинки.

– К дембелю у них дочка уже родилась, а сам он стал лейтенантом. Квартиру там служебную получил. Вот такие чудеса в армии иногда случаются.

Я молчал, не зная, что сказать.

– Ладно, хватит о грустном, – она решительно стукнула ногой по головке стоящего возле дороги одуванчика, попала, и он улетел за ограду. – Лучше о себе расскажи. Как у тебя дела?

– Ой, да что обо мне говорить? Распределился в наш областной центр. Три года отработал. Сразу же пожалел об этом, но было уже поздно отыгрывать все назад. Там не институт, а дыра. Все как мухи сонные ходят, лишь прежние технические задания переписывают. Вот так накрылись мои научные мечты. Поэтому плюнул на науку и стал заниматься кооперативной деятельностью. Мастерскую открыл. Машины, здания и все такое прочее в творческом духе разрисовываем. Краски новые сумел создать. Художников интересных привлек. Несем, если можно так сказать, красоту в массы. Раскрутился потихоньку. Деньги начал даже уже

зарабатывать. Вот присматриваюсь в нашем городе, где бы филиал открыть. А больше ничего интересного. Лучше скажи, сама как? За кем замужем? Я его знаю?

– Я не замужем, – голос у нее был совершенно спокоен.

– А… дети есть?

Она опять покачала головой.

– Я не была замужем.

Я замер. Она, словно не заметив это, пошла дальше и вдруг заторопилась.

– Все, Пашенька, не могу больше болтать, опаздываю. Даст бог, еще свидимся.

И побежала по аллее так, как бегала раньше в школе – легко, изящно и невесомо. И уже почти скрывшись на повороте, танцуя, провернулась, улыбнулась мне и звонко прокричала, помахав рукой:

– Передавай привет жене!

Ее слова больно задели меня. Женат я не был. Значит, обо мне она у одноклассников не спрашивала. Ладно, я не интересовался. Боль и гордость не позволяли. Ее же незнание просто кричало об ее равнодушии ко мне. Если бы мне было семнадцать, я бы отвернулся и, умирая от обиды, уехал из родного города. Но я уже был значительно старше. Я знал, что уход мне не поможет. Ожившие воспоминания о ней, а также воспоминания об этой встрече снова занозами будут сидеть в моем сердце. А значит, нужно хотя бы попытаться…

***

Как и во времена моего детства, школьный двор с самого утра был забит малышней, играющей в футбол. Свистом я подозвал детвору, вывалил на траву свою нелегкую ношу и вручил каждому по монетке. Они меня не подвели. Когда Оля подходила к музыкальной школе, вся аллея от ограды и до ступенек уже была засыпана белыми розами. Она недоуменно оглядывалась по сторонам, как, впрочем, и шушукающиеся стайки школьников. И лишь увидев меня на ступеньках школы, она все поняла. Ее лицо

запылало. Взметнулся детский смех. Я, не дожидаясь, пока стыд переплавится в негодование, а ситуация станет не романтической, а комической, подбежал к ней, опустился на колено и молча протянул ей открытую коробочку. В коробочке лежало колечко с бликующим на солнце бриллиантом. Все замерло и стихло, словно уши мои забила вата. Поднять голову было трудно. Еще труднее было прошептать предложение. Своих слов я не расслышал. Я даже не понял, сумел я их произнести или нет. Лишь увидев в ее глазах и в уголках губ зарождающуюся улыбку и помахивающую ладошку, прогоняющую жар со щек, я смог дышать, и тогда шум школьного двора волной накрыл меня.

***

Белоснежная постель… Белоснежное платье и прозрачные трусики, небрежно брошенные на кресло… Шелк волос, разметавшихся на подушке… Белое золото возбужденно вздымающегося животика… Медленно тающий след резинки… Золотое колечко, блеснувшее на пальчике…

Зрачки ее дрожали. В них была бесшабашная смелость бросающегося в прорубь и веселье опьяненного праздником танцора. Испуганное предвкушение и растерянная обреченность. В них было столько эмоций, которых там не должно было быть, что я растерялся. В ее глазах плескалось все. Там не было лишь одного. В ее глазах не было равнодушия.

Несмотря на слепящую наготу, она казалась такой же недоступной, как и в школе. Я осторожно положил ладонь на ее коленку, подсознательно ожидая, что коленка ускользнет. Коленка у нее оказалась удивительно мягкая и прохладная. Это длилось лишь мгновение. Она взяла меня за руку и сняла ее со своей коленки.

– Обними меня.

Хотя она не дала себя даже погладить, когда я лег, она прижалась ко мне, а ноги ее робко обхватили мои ноги. Внутри меня сладко ёкнуло, когда скользнув по теплой упругости ее раздвинувшихся ног, я воткнулся в нее. Оля резко и болезненно вскрик-

нула. Ее глаза оказались совсем рядом. Из сгустка эмоций, бушующих в ее глазах, на поверхность стал выныривать страх.

– Оленька, – шепнул я ей, – помнишь, в шестом классе мы ходили на день рождения к Вале?

Антрацит страха в глазах Оли стал переплавляться в фиолет недоумения.

– Нет, не помню, Пашенька.

– Мы тогда еще в бутылочку играли.

Слабая улыбка стала зарождаться в ямочках на ее щеках, а в глазах заплескались голубые ироничные искорки.

– И что тогда приключилось?

– Ты провернула бутылочку, она завращалась, остановилась и указала точно на меня.

– И что же дальше-то было? – в глазах Оли черноты уже не было. В них плескалась прозрачная зелень смеха.

– Ты сказала: «Пашенька мне родной. Его не страшно поцеловать» и поцеловала в щеку. Вот сюда, – я показал ей место на своей щеке.

Легкая тень улыбки скользнула по губам Оли.

– А я потом, когда на меня никто не смотрел, прикоснулся пальцами там, где ты меня поцеловала, и украдкой поцеловал свои пальцы.

Калейдоскоп цветов застыл в ее глазах на оттенке темной морской волны.

– Ты так сильно любил меня уже тогда? – совсем тихо спросила Оля.

Глаза Оли стали темнеть, но это не была чернота страха, это был теплый бархат нежности.

– Я тебя и сейчас так люблю.

Не знаю почему, но прошептать это было удивительно трудно.

– Иди ко мне… – беззвучно прошептала Оля. Она жарко прильнула ко мне всем телом. Меня целовали не только ее губы. Казалось, и грудь, и живот, и лоно тоже целуют меня. Даже внизу, такая неприступно-тугая, она стала мягче и, казалось, тоже целовала меня жаркими и горячими губами.

– Что же ты ждешь...

И я не выдержал. Я протискивался в нее, как шахтер, заваленный в шахте, протискивается через узкий лаз к голубому клочку неба. Как и он, я не мог не прорваться. И я прорвался. Крик Оли звенящий в моих ушах прервался. Оля со стоном выдохнула и ахнула с таким восторгом, словно и она вместе со мной прорывалась на свободу из завала. Я попробовал осторожно освободиться, но Оля не дала. Она обхватила меня руками, а ее ноги обвили мои ноги. Она нетерпеливо подалась навстречу мне, и я почувствовал, что уже полностью проник в нее. Ее тело нетерпеливо ерзало подо мной, требуя ответных движений, а жар желания вперемешку с восторгом затопил ее глаза. Лед, еще со школы комом застывший в моей груди, стал таять, плавиться, кипеть и, выгибая тело судорогой, расплавленным маслом стал выплескиваться в ее жаркую и тугую глубину…

– Моя! Моя! – счастье распирало меня. Я прижимал к себе плавающее в поту тело Оли и не мог нацеловаться.

– Твоя, твоя, – шептала Оля зацелованными губами и не менее счастливо улыбалась мне в ответ, – конечно, твоя.

***

Я никогда до конца себя не понимал. Мне иногда казалось, что в глубине моей души живут разные персонажи. Совсем разные чудики, отличающиеся поведением, желаниями, страстями и удовольствиями. Не всех из них я даже знал. Обычно они ничем не проявляли себя, тихо и незаметно существуя там, в глубине. Но не тогда, когда рядом была Оля. Это учитель выныривал и брал все в свои руки, когда я показывал Олечке, как решать задачки по математике. И сразу же учителя оттеснял мальчишка. И это у мальчишки сладко замирало сердце от ее благодарного взгляда и поглаживания руки. Это зверь вырвался наружу и начал метелить Серегу кулаками и ногами, превращая его лицо в кровавое месиво за его слова, что я мудак, раз так запал на эту Олечку. Что она того не стоит, что Оля – это Женькина подстилка, и что Женька уже давно трахает ее. И это взрослый взметнулся наверх и наки-

нул узду на зверя, когда Серега, прикрываясь руками, катался по земле, разбрызгивая кровь, и скулил, что он не выдумал, что это сам Женька ему об этом рассказал. И это мальчишка безутешно скулил, когда Женька и Олечка, словно ничего не случилось, целовались в темноте кинозала, а слова Сереги жгли огнем грудь.

Тогда, в первую брачную ночь, да и во все остальные, во мне безраздельно властвовал мальчишка. Это он, замирая от восторга, скользил по мягким и теплым перекатам ее тела, взлетал губами и языком на все вершины и с замиранием проваливался в сладость провалов и расщелин. Это мальчишка, млея от нежности, каждому новому месту давал свои названия. А самым любимым и желанным придумывал новые и новые имена. А я лишь шепотом повторял за ним. Когда название нравилось, то сквозь розовый шелк стыда ее щек прорывался смех, пузырящийся удовольствием, а в глазах начинали вспыхивать искорки. Этот смех сладкой дрожью звенел у меня внутри. Мальчишка же, купаясь в переливах ее смеха, беззвучно орал от счастья. Она легко приняла мою игру и сама уже придумывала названия и тому, что раньше боялась показывать, и тому, на что стеснялась и смотреть. Слова менялись, забывались, рождались новые и становились привычными.

Она оказалась удивительно стеснительной и робкой. Единственную разрешенную для нее позу очень медленно, лишь после длительных уговоров и увещеваний удалось разнообразить другими. Причем этот стыд, этот жар, вспыхивающий на ее лице, эти эмоции, выплескивающиеся из нее в ответ на мои самые маленькие вольности и уговоры, необходимость завоевывать снова и снова уже, казалось, завоеванные позиции, придавали особую сладость каждой новой близости. И я с нетерпением ждал каждую следующую ночь.

Оля была удивительно тугая. Даже женщиной она была более тугая, чем те две девушки, которых я успел лишить девственности за мою короткую интимную жизнь. Помогало только одно – мои слова любви. Правильно говорят, что женщины любят ушами. Для того, чтобы допустить до себя, ей нужно было ощущать

себя любимой. У нас сложился ритуал, который безумно нравился и ей, и мне. Я держал ее в объятиях, смотрел в глаза и шептал ей слова любви, восхищения и страсти. Причем каждый раз это были новые слова. Мне это было легко – мальчишка внутри меня с восторгом их придумывал. Эти слова впитывались ее глазами, наполняли жаром ее щеки и размягчали ее тело. И наступал момент, когда словно лопалась пленка. Оля громко со стоном ахала, а я проваливался в ставшую мягкой и жаркой упругую глубину. И ее тело оказывалось в моей власти.

Касаний самых тайных мест и руками, и губами она старательно избегала, смеясь, защищаясь и уворачиваясь. Ее легкий грудной смех и его переливы, поволока ее глаз, заводили меня так, что я вздыбливался и стремился в нее снова и снова. Она была теплая, благодарная и дружелюбная. Эмоционально она всегда отзывалась на мои проявления любви. Моя улыбка вызывала у нее улыбку, мой поцелуй вызывал ее ответный поцелуй, моя ласка зеркалилась и возвращалась мне. Легко подстраиваясь под мои движения, она сопровождала их, с интересом заглядывая мне в глаза, пытаясь поймать момент начала оргазма. Поймав же – крепко целовала и прижималась жарко и плотно, впитывая телом мою любовь.

И лишь одно омрачало нашу любовь. Вернее мою любовь, так как Оленька говорила, что это все ерунда. Она не кончала. В ней не было этого финального взрыва, фонтана, потопа эмоций. Нет, ей все нравилось. Она убеждала меня, что ей все нравится, и я чувствовал, что ей действительно нравится. Она легко и интересно возбуждалась. Когда она возбуждалась, то краснела, но не так, как краснела от смущения. От смущения или стыда у нее розовело все лицо. Когда же она возбуждалась, щеки ее на фоне побелевших скул пылали яркими пятнами. Когда ее скулы вспыхивали яркими лампочками, я знал, что уже можно, и она легко пропустит меня внутрь, нежно и ласково обхватывая, а не станет на пути непреодолимой преградой. Наша близость после начальной словесной игры могла продолжаться долго, чем я беззастенчиво пользовался, и это не вызывало никакого неприятия

с ее стороны. Она возбужденно дышала во время актов любви и благодарно целовала меня, когда все кончалось. Она говорила, что все хорошо – так хорошо, что лучше не бывает. Я-то знал, что лучше бывает, но сильно не переживал. Эта вершина была впереди и сладко манила меня.

Но весной все изменилось.

Глава 3

Однажды вечером, расположившись напротив меня и привычно наблюдая за тем, как я ужинаю, она сказала:

– Пашка, сегодня у меня Маринка попросила ключи от квартиры на пару часиков, когда нас не будет дома.

Маринку я прекрасно знал. Красивая чувственная блондинка, более пышная и фигуристая, чем Оля. Ее заразительный смех доминировал над общим гомоном, когда подружки Оли собирались у нас поболтать. Женственность прямо пёрла из нее, а крутые бедра, поволока больших глаз и пышная грудь волновали даже меня. Ее муж Денис, невысокий стройный парень, отличался педантичностью, правильностью и ревностью. Однажды меня занесло во время гололеда, и я чудом не врезался в другие машины. Услышав мой рассказ об этом, он тут же стал выговаривать мне, гордо заметив, что у него в жизни не было ни одной аварии. А все потому, наставлял он меня, что он всегда соблюдает правила дорожного движения. Так же, по его твердому убеждению, должны себя вести и все другие. Как-то раз я и несколько Олиных подружек с мужьями поехали на море на недельку – позагорать на диком пляже. Оля тоже собиралась ехать с нами, но заболела. Я тоже хотел остаться, но она настояла, чтобы я ехал и не подводил компанию, поскольку заболел муж одной из девушек, и мужчина был жизненно необходим для успеха похода. В тот день девчонки умотали вдоль берега собирать ракушки, ребята пошли за водой к дальнему ручью, а я был дежурный по лагерю. Была очередь Маринки готовить обед, поэтому мы остались одни у костра. Мне было неуютно. Мой взгляд, помимо моей воли, залипал на ее тугих ягодицах и практически не прикрытой бикини большой груди.

– Маринка, у меня к тебе просьба, – обратился я к ней.

Румянец вспыхнул на щеках Маринки. Виновато, испугано и сердито она обернулась ко мне:

– Чего тебе?

По ее интонации, по ее взгляду, я сразу понял, что она ре-

шила: у меня к ней предложение интимного характера. Еще мне стало понятно, что она одновременно стесняется мне отказать, но и не хочет, чтобы это случилось. Почему она так решила и была так взволнована, мне тогда было совершенно непонятно.

– Я ведь дежурный. Подежурь, пожалуйста, за меня, пока я схожу искупаюсь.

Радостно и облегченно она закивала головой.

– Конечно, Пашка, подежурю.

Я побежал вниз, к морю купаться, удивляясь ее реакции на такую обычную мою просьбу. Когда я поднимался к лагерю, мне встретились ребята с полными бидонами.

– А почему ты такой запыхавшийся? – настороженно спросил Денис.

– Да я купаться ходил, – ответил я, мгновенно уловив в голосе Дениса ревность, и в качестве подтверждения мотнул мокрой головой так, что брызги долетели до него. Облегчение в глазах Дениса подтвердило мой диагноз.

– А зачем ей ключи? – вынырнул я из воспоминаний.

– Пашка, представляешь, я сама об этом не знала, а узнала лишь после визита Маринки, – заулыбалась Оля. – Даже не знаю, почему мне девчонки об этом раньше не рассказали. Наверное, думали, что я знаю. Маринка у нас, оказывается, известная гулёна. А еще и собачница. Постоянно водит свою собаку гулять, там и знакомится с другими собачниками. Познакомится и начинает клянчить ключи у подруг. У меня раньше никогда не просила. Может, стеснялась – не знаю. Я же у них числюсь синим чулком. Но в этот раз ни одна подружка ее не выручила, а надо было срочно, так как ее новый мужчина был свободен только сегодня, вот она и решилась попросить меня. Просто умоляла.

– Вот оно что, – хмыкнул я. Лишь теперь мне стало понятно поведение Маринки у костра. Она подумала, что я узнал о ее развлечениях и женских слабостях, и решил воспользоваться в удобный момент.

– Ты ей дала ключ?

– Дала. Она так просила. А что, не надо было? – тревога мелькнула в Олиных глазах.

– Да нет, все нормально, – успокоил я ее и с улыбкой добавил: – И зачем ты мне об этом рассказываешь? Хочешь, чтобы я тоже Маринкой увлекся?

– А хотелось бы? – тревога растаяла, и Оля хитро прищурились.

– Знаешь, у нас ведь однажды чуть до этого не дошло, – я замолчал и тянул паузу, с удовольствием наблюдая, как изумленно расширяются зрачки Оли, и лишь затем рассказал ей эпизод на море.

– Нет, – Оля рассмеялась и облегченно откинулась на спинку стула, – даже если бы тебе хотелось, если бы ты даже ее попросил, она бы тебе не дала. Для нее мужья подруг – табу. Потому так смущалась и нервничала. Если бы ты не был моим мужем – уже давно бы кувыркался с ней в постели. Она мне сама говорила, что ты ей нравишься. Завидовала мне, когда я вышла замуж, и убеждала, что мне повезло.

Вдруг какая-то мысль пришла ей в голову, и она замерла, обдумывая ее.

– Паш, – медленно протянула она, – скажи… только честно. Если бы она повела себя по-другому… если бы ты понял, что ей хочется с тобой… что она согласна… Ты бы ее… Ты бы с ней?.. – Оля замялась. Даже эвфемизмы этого слова, откровенно означающего, что мужчина делает с женщиной во время главного уготованного природой действа между ними, она могла произнести с трудом.

Я закрыл глаза и снова оказался в той ситуации у моря. Но теперь глаза у Маринки были уже не виноватые и испуганные, а влекущие и наполненные желанием, руки расстегивали купальник, затем стаскивали трусики, а коленки призывно раздвинулись…

Не открывая глаз, я признался:

– Сам бы я ее просить не стал. Но ты же знаешь, женщине ведь не обязательно просить словами. А когда женщина зовет, причем такая привлекательная и сексуальная женщина, как Маринка – мало найдется мужчин, которые смогут устоять. Поэтому,

если бы она этого действительно захотела и сама предложила, то я, если быть честным… – внезапно я почувствовал, как ладошка Оли закрыла мне рот.

– Не надо дальше, Паш, считай, я ничего у тебя не спрашивала.

– Оль, ну ты же знаешь, что этого никогда не случится.

– Кто знает? – промолвила Оля, покусывая в задумчивости губу, – жизнь прожить – не поле перейти. Все может случиться, поэтому лучше не накликать, говоря об этом вслух.

– Ладно, мы отвлеклись от главного, – встряхнула головой Оля. – Когда я в оговоренное время вернулась домой, у них все еще было в самом разгаре. Я не стала им мешать и ушла в гостиную.

– Подглядывала? – я с новым интересом посмотрел на Олю. – Вот ты какая, оказывается, любопытная.

Румянец отчетливо проступил на щеках Оли, и она шлепнула меня по руке.

– Мельком посмотрела, а потом лишь подслушивала, да и то вынужденно. Они вели себя так громко, что даже если бы я не хотела подслушивать – у меня бы ничего не получилось.

– Ну и как?

– Как она стонала… – Оля нервно скомкала скатерть. – Как же она стонала… Сначала сладко постанывала, потом все громче и громче. А потом и вовсе перешла на крик. Я даже испугалась, что соседи услышат. Хорошо хоть это утром было, а утром ведь все на работе.

Оля замолчала, и видно было, что мысли ее бродят где-то далеко-далеко.

Я взял ее руки и погладил ее ладошками свои щеки.

– А потом, когда он ушел, пришли ее подружки. Оказывается, они после каждой встречи Маринки встречаются прямо в квартире, где была встреча! Я была хозяйкой и потому тоже оказалась в числе посвященных. Мы собрались на кухне, и она в подробностях начала рассказывать нам, как все происходило. Со всеми деталями, как он ножки ей раздвигал, где гладил и как